

провести анализ мифологии, общей картины мироздания, сложившейся у них. В связи с этим приходится сожалеть, что в основные образы автор не включил главных мифологических персонажей. В книге упоминается о влиянии на олонхо шаманских идей, но это должным образом не аргументировано и не показано. Не коснулся автор и обрядовой стороны олонхо.

Трудно согласиться с утверждением о близости олонхо к хосунному эпосу северных якутов (стр. 21). Если в олонхо действие происходит в трех мирах, и в нем фигурируют мифологические персонажи, то в хосунном эпосе происходят вполне реальные события.

На стр. 22 указывается, что олонхо начало складываться «не позднее XII—XIII вв.», но на стр. 218 отмечается, что оно «зародилось не позднее XIII—XIV вв. (по всей вероятности, значительно раньше этого времени)». Когда же, по мнению автора, зародилось олонхо?

К недочетам работы следует отнести неясность того, чем руководствовался автор при отборе материалов для своего исследования? Каким образом были отделены олонхо традиционные от олонхо, представляющих личное литературное творчество олонхосутов? В предисловии какие-либо указания на цели и задачи работы отсутствуют.

Отметим некоторые неточности в переводе: например, наслег толкуется как село (стр. 5), тогда как сел в дореволюционной Якутии почти не было, а наслег состоял из нескольких поселений, каждое — из одной-трех юрт.

В целом же исследование И. В. Пухова заслуживает высокой оценки. Книга будет с пользой прочтена и фольклористами, и этнографами.

И. Гурвич

Л. В. Гребнев. *Тувинский героический эпос (опыт историко-этнографического анализа)*. Ответственный редактор Л. П. Потапов, М., 1960, 146 стр.

Произведения богатырского Эпоса — замечательного сокровища поэтического творчества тувинского народа — стали предметом изучения сравнительно недавно, в сущности лишь после вступления Тувы в состав Советского Союза. Это не означает, конечно, что раньше тувинский эпос не привлекал внимания исследователей. Еще в конце XIX в. известный путешественник Г. Н. Потанин записал и опубликовал несколько героических сказаний тувинцев¹. В начале XX в. записи богатырского эпоса сделал во время этнографической экспедиции в Туву Феликс Кон². Однако произведения тувинского эпоса, приведенные в работах Г. Н. Потанина и Ф. Я. Кона, были записаны со слов переводчиков в конспективном изложении, что делало невозможным их научное исследование.

Сразу же после вступления Тувы в состав СССР было начато систематическое и глубокое изучение эпических произведений, сохранившихся в устном бытовании. Центром собирания и издания эпоса стал Тувинский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории (ТНИИЯЛИ). Была проделана огромная работа по выявлению сказителей и записи на тувинском языке полных текстов богатырских сказаний, которые вошли в периодически издававшиеся сборники³.

В 1960 г. произведения тувинского героического эпоса, переведенные на русский язык и прокомментированные крупным знатоком тувинского эпоса, сотрудником ТНИИЯЛИ Л. В. Гребневым, были изданы отдельной книгой⁴, что позволило познакомить широкую научную общественность с самобытным вкладом тувинского народа в мировую литературу эпико-поэтического жанра.

Как известно, эпические произведения являются не только литературными ценностями. Они содержат также богатейшие сведения историко-этнографического характера. К сожалению, историко-этнографическое изучение эпических произведений народов Советского Востока сравнительно мало привлекало внимание исследователей. В этом отношении представляет большой интерес подготовленная в Тувинском научно-иссле-

¹ Г. Н. Потанин, Очерки северо-западной Монголии, вып. IV. Материалы этнографические, СПб., 1883.

² Ф. Кон, За пятьдесят лет, т. III, Экспедиция в Сойотию, М., 1934.

³ «Тыва тоолдар», вып. I, Кызыл, 1947; вып. II, Кызыл, 1951; вып. III, Кызыл, 1955; вып. IV, Кызыл, 1957.

⁴ «Сказания о богатырях. Тувинский героический эпос». Предисловие, перевод и комментарии Л. Гребнева, Кызыл, 1960.

довательском институте языка, литературы и истории и изданная в Москве работа Л. В. Гребневой «Тувинский героический эпос (опыт историко-этнографического анализа)».

Работа открывается подробным рассмотрением содержания и поэтики тувинского героического эпоса на примерах сказаний «Мёге Шагаан-Тоолай», «Баян-Тоолай», «Гана-Херель», «Кангывай-Мерген», «Алдай-Буучу» и др.

Сказания названы, как правило, именем главного героя, вокруг его богатырских подвигов развивается повествование. Основой сюжета служит поездка богатыря за невестой и борьба за нее. В герое воплощены народные представления о богатырской силе, уме, мужестве, благородстве. Герои сказаний сражаются с фантастическими чудовищами, спасая от них простых людей, борются за освобождение народа, пораженного захватчиками — ханами. Они очищают мир, наполненный носителями зла — темными силами, открывая тем самым возможность людям вести радостную мирную жизнь. Большое место в сказаниях отводится коню — боевому помощнику, спутнику и другу героя, с которым последний часто советуется (в сказаниях конь наделен даром речи). Женщина в тувинском эпосе обрисована очень скупо. Она, как правило, объект сватовства или захвата. Часто подчеркивается ее подчиненное по отношению к мужчине положение. Можно согласиться с мнением автора, что в обрисовке женских образов нашли отражение патриархальные отношения, господствовавшие в тувинской среде в период создания эпоса (стр. 27).

Еще в недавнем прошлом эпические произведения имели стихотворный строй, всегда пелись и имели определенные мотивы. Сказания, записанные в последние годы, утратили свою стихотворную форму. Поэтому имеет особую ценность произведенный Л. В. Гребневой анализ стихотворной формы героических сказаний.

Автор останавливается, хотя, пожалуй, слишком коротко, и на связях тувинского эпоса с героическими сказаниями алтайцев, монголов, бурят и других народов. Будем надеяться, что в своих дальнейших исследованиях Л. В. Гребнев обратит на эту большую и чрезвычайно интересную проблему особое внимание.

Говоря о времени сложения тувинского героического эпоса (стр. 41—58), автор отмечает в эпосе многие элементы, восходящие к глубокой древности. Однако здесь автор нередко допускает излишнюю архаизацию. В частности, в том, что основой сюжета эпических сказаний служит полная трудностей поездка героя к невесте и борьба за нее, автор видит отражение древних традиций первобытнообщинного строя с экзогамностью рода и патрилокальностью брака (стр. 42). Но родовая экзогамия и тем более патрилокальность брака сохранялись в Туве до сравнительно недавнего времени (патрилокален брак и теперь). Впрочем, и в условиях первобытнообщинных отношений герою, чтобы добраться до невесты, совсем не обязательно было преодолевать сопротивление враждебных племен, так как экзогамия была родовой, а не племенной, и, как позволяют судить этнографические материалы, каждое племя имело свою племенную территорию. Надо полагать, что связанная с борьбой дальняя поездка за невестой могла лечь в основу эпических произведений и в условиях патриархально-феодалных отношений.

Нельзя согласиться с утверждением автора, что «в период, предшествовавший уплате калыма, право на невесту давала сама принадлежность к определенной экзогамной группе» (стр. 42). Вряд ли можно, как это делает автор, видеть отголоски матриархата в сценах оживления героя его женами, добывания жен для героя его сестрой, и др. (стр. 42).

Выдвинутое автором важное положение о сложении тувинского эпоса до периода монгольского господства удачно аргументировано и может быть принято. Однако ограничение процесса формирования тувинского эпоса строгими хронологическими рамками — VII—IX вв. («период создания орхоно-енисейских камнеписных памятников и каменных изваяний», стр. 50) остается в работе недоказанным. Вызывает серьезные возражения и мнение автора о том, что VII—IX вв. в истории Тувы были временем разложения первобытнообщинного строя. Более правильная точка зрения, разделяемая большинством историков, состоит в том, что процесс разложения первобытнообщинных отношений завершается у племени Тувы в основном к середине первого тысячелетия, что не исключает, конечно, сохранения отдельных пережитков родового быта в Туве вплоть до XX в.

Автор убедительно показал, что эпос не оставался неизменным в течение веков. Об этом говорит проникновение в его тексты феодальной терминологии, передаваемой при помощи монгольских терминов, следы влияния буддизма и др.

Рассматривая эпос с точки зрения его народности, автор приходит к выводу, что в нем отражены идеи народных масс, сложные общественные отношения в патриархально-феодалной Туве. Наряду с некоторыми чертами реакционной идеологии в эпосе нашли отражение устремления широких масс кочевников-скотоводов к свободе, справедливости, к мирной трудовой жизни, ненависть к угнетателям.

Значительное место в книге занимают вопросы отражения в эпосе хозяйственной жизни и быта. Раздел этот очень интересен и насыщен этнографическими материалами. Специальному анализу подвергнуты встречающиеся в эпосе сведения о скотоводстве,

охоте, земледелии и собирательстве, ремесле, жилище, предметах домашнего обихода, одежде и пище. Автор широко привлекает материалы по этнографии тувинцев конца XIX — начала XX в., а также по исторической этнографии тувинцев, монголов, киргизов и других народов.

Но, к сожалению, отдельные вопросы, возникающие при изучении эпоса, очень интересные с историко-этнографической точки зрения, оставлены автором без внимания. Например, в эпосе упоминаются львы; упоминаются седла, некоторые части которых изготовлены из сандалового дерева и слоновой кости⁵. Между тем в Туве сандаловое дерево не растет, слоны и львы не водятся. Как могли появиться подобные мотивы в эпосе тувинцев? Хотелось бы знать мнение автора по этому вопросу.

Очень любопытно также встречающееся в одном из эпических произведений, но не проанализированное автором упоминание о жилище, построенном из костей маралов. Невольно вспоминаются известные по археологическим раскопкам жилища людей каменного века, почти целиком построенные из костей животных, в том числе из костей оленей.

Заключительный раздел книги посвящен отражению в эпосе общественных отношений. То обстоятельство, что в героических сказаниях тувинцев наряду с характеристикой того или иного персонажа можно встретить и описание его земельных владений, автор убедительно связывает с обычаями феодального общества. Однако вывод автора, что в эпосе нашло отражение эволюция представлений о собственности на землю, оказался недостаточным аргументированным.

Л. В. Гребнев приводит в книге чрезвычайно интересные сведения эпоса об общественной жизни, позволяющие судить о характере собственности на скот у создателей эпических произведений, об их общественном расслоении, войнах, оружии, браке, терминологии родства и свойства (стр. 103—145). Тщательно анализируя общественные отношения, обрисованные в эпосе, Гребнев привлекает сравнительные материалы не только по истории Тувы, но и по истории Монголии и других кочевых скотоводческих народов.

Рецензируемая работа представляет собой ценный вклад не только в советскую востоковедческую фольклористику, но и в изучение истории и этнографии тюрко-монгольских народов.

С. Вайнштейн

⁵ «Тыва тоолдар», вып. I, стр. 23; «Тыва тоолдар», вып. II, стр. 79; «Сказания о богатырях. Тувинский героический эпос», стр. 108—110.

«Книга моего деда Коркута». Огузский героический эпос. Перевод акад. В. В. Бартольда. Издание подготовили В. М. Жирмунский и А. Н. Кононов. Изд. АН СССР. «Литературные памятники». Л., 1962.

В. В. Бартольд неоднократно обращался к эпосу огузских племен Закавказья и прилегающих районов Малой Азии и Ирана — «Китаб и деде Коркут». Семьдесят лет назад он заинтересовался уникальной дрезденской рукописью «Деде Коркут» и в последующие годы опубликовал ряд статей, текст и перевод четырех из двенадцати входящих в ее состав песен; полный перевод, законченный им в 1922 г., издан посмертно в Баку в 1950 г. В 1930 г. в статье «Турецкий эпос и Кавказ» В. В. Бартольд дает развернутую характеристику памятника. Отмечая близость сюжетов и героев «Деде Коркут» с сюжетами и героями эпических сказаний других тюркских народов, он подчеркивает органическую связь произведения с историческими и культурными судьбами Закавказья и Малой Азии XI—XV вв. За два с лишним десятилетия, прошедших с этого времени, и в СССР и за рубежом появилось много новых работ на данную тему, обнаружен еще один, правда неполный, список «Деде Коркут», неоднократно издавался текст памятника и его переводы на ряд языков. Однако основные выводы В. В. Бартольда остаются в силе. Особенно наглядно это видно в связи с новым изданием перевода «Деде Коркут», подготовленного В. М. Жирмунским и А. Н. Кононовым. Выполненный В. В. Бартольдом перевод оставлен неприкосновенным, ибо «его выдающиеся художественные достоинства исключали возможность правки и уточнения по мелочам». обстоятельные примечания, с большой тщательностью составленные А. Н. Кононовым, явились результатом скрупулезной сверки перевода с опубликованными текстами произведения. Учтены также новые интерпретации, поправки и уточнения как текста, так и перевода. Примечания вносят настолько серьезные изменения в трактовку отдельных мест памятника, что перед советскими учеными возникает новая задача — подготовить коллективными усилиями академическое издание текста и перевода «Деде Коркут».

Больше половины книги занимают приложения. В них даются упомянутая выше статья В. В. Бартольда «Турецкий эпос и Кавказ»; статья А. Ю. Якубовского «Китаб